

Симфония кукол

Автор:

[Александр Барр](#)

Симфония кукол

Александр Барр

Темные секреты. Психологические триллеры о таинственных смертях

Жуткая история о том, как унижение и бессилие рождают монстра.

Они по-настоящему счастливы. Они мчатся на машине к морю. Руслан, крепко сжимая руль, то подставляет лицо набегающему ветру, то с любовью поглядывает на беременную Лику. Она тянется к нему губами, чтобы поцеловать. Казалось, что он отвлекся всего на мгновение...

Мощный грузовик не успевает затормозить. В крошево превращаются и легковушка, и счастье влюбленных, и – позвоночник Руслана. Теперь он «овощ», вечно лежащее, бесполезное и неприятное существо. Врачи дают гарантию: это – навсегда.

И вот Лика уже изменяет ему в соседней комнате. И водитель грузовика наслаждается жизнью и не терзается угрызениями совести. И любовник Лики вполне доволен судьбой...

Вот только жуткое наказание приближается медленно и неотвратно. Мечь будет страшной. И палача не найдет никто. Ведь Руслан парализован. Значит, ничего не может...

Ничего не может?

Александр Барр

Симфония кукол

© Барр А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Радиоволны влияют на нас.

Они словно бездушный фантом, прячась в тени неразгаданных тайн, прямо или косвенно с каждым днем подчиняют себе все живое.

Предисловие

– Весомо.

Я говорю «весомо» и стреляю ему в лицо. Стреляю не целясь. С такого расстояния мне не промахнуться. Жму на спусковой крючок снова и снова. Комната освещается короткими прерывистыми вспышками света, но я не слышу звуков выстрелов. В ушах звенит. Рана на животе болит.

– Весомо.

Давлю пальцем на спусковой крючок, пули вылетают, врезаются ему в голову. Его щеки перестают морщиться от гнусной улыбки. Ошметки его больного мозга разлетаются по сторонам. Накладная борода покрывается алой слизью и пеной.

– Весомо!

Курок щелкает – обойма пуста. Глаза горят. Рот кривится, скалит зубы и кричит. Колени трясутся.

– Весомо?

Мне трудно стоять, не чувствую ног, но стою. Стою, покачиваюсь и смотрю, как слипшиеся комки волос и кровь сползают по спинке кресла. Любуюсь всеми оттенками красного цвета на зеленой глянцевой стене в темном раскачивающемся свете желтой лампы.

Стою, до судорог сжимаю кулак, пытаюсь хоть еще раз выстрелить. Приемник шипит. Трещит своим динамиком, слышны радиопомехи и обрывки фраз, которые прямиком идут в мой воспаленный мозг.

Вставляю ствол себе в рот. Жму, жму, жму. В ответ лишь дурацкие звонкие щелчки, вкус гари и легкие постукивания металла о зубы. Не судьба.

Едва сдерживаю смех, пока полицейские ломятся в дверь. Они не требуют открыть, молча бьют чем-то тяжелым по ржавому металлу. Через мгновение ворвутся. Черт возьми, где же они были раньше? Снесут проклятую скрипучую дверь с петель и, сверкая в пыли лучами ярких фонариков, забегут к нам в подвал. Ворвутся. И не случится ничего особенного. Это их работа, их рутина. Уверен, они всегда так делают, чуть ли не каждый день... а я раньше никогда не использовал слово «весомо».

Что за глупость говорить «весомо»? Никто так не говорит. «Ве-со-мо», это же его слово. Зачем его слово вертится у меня на языке? И зачем я продолжаю жать на спусковой крючок, стуча стволом по зубам и царапая себе небо мушкой прицела. И я раньше никогда не стрелял человеку в лицо. Смотрю на обрубок своей руки, валяющийся под ногами, на необработанную рану, на запекшуюся кровь, и нервный смешок вырывается наружу.

Вынимаю изо рта пистолет, вытираю его краем майки. Испачканным краем моей майки. Пульсации в ушах слабеют. Кажется, успокоился. Странное ощущение легкости. Все неожиданно... просто. Просто-просто. Не думал, что это так просто – отнимать у человека самое ценное, отнимать его жизнь. Проще, чем заварить

чай. Чем выдохнуть через нос, лежа на любимом диване после тяжелого рабочего дня. Проще, чем он описывал.

Как странно. Я схожу с ума? Или уже сошел? Мне плевать, что станет со мной, плевать на то, выживу ли я. Мысли лишь об одном – я успел и наконец-то убил его. Его больше нет.

Страшно признаться, но, кажется, мне понравилось. Понравилось наблюдать, как из-за меня остывает чужое тело. Возможно, все из-за того, что передо мной на стуле не человек. Его нельзя назвать человеком. Зверь, монстр, сумасшедший больной садист. Остановленный мною психопат. А может, все дело в том, что во мне просыпается тот самый безумец, которого он так старательно пытался пробудить.

Отгоняю желание подойти поближе, наклониться, разворошить испорченный парик и понюхать его рану, потрогать, лизнуть, помазать его кровью у себя за ухом. Бережно растереть ее, словно элитный парфюм, словно драгоценный божественный нектар.

– Весомо, – повторяю сквозь зубы, как в бреду. – Просто-просто. Весомо-ве-со-мо.

Ноги отказываются стоять, и я падаю коленями в мягкую пыль. Слышу, как сквозь стук собственного сердца, сквозь мой истерический полусмех-полукашель чей-то незнакомый голос приказывает:

– Ни с места! Полиция! Оружие на пол!

Роняю пистолет. Роняю его и падаю рядом, врезаюсь в песок своей разрывающейся от звона и раскалывающейся на части головой.

– Руки! Живо!

Полицейский приказывает сложить руки, а у меня не осталось на это сил. Могу только выдавливать из себя смех, распускать слюни, хрустеть мокрым песком на зубах. Могу только ощущать дыхание зверя, мысли зверя в моем мозгу и проклятый скрежет равнодушного приемника.

Живот болит.

Глава 1

– Ну, что ж, уважаемые радиослушатели, – ее голос произносил привычную фразу, – продолжаем готовиться к пятнице-развратнице, а на сегодня наш выпуск подошел к концу. Передаю эстафету своим замечательным коллегам. Вас ожидает восхитительная подборка новой музыки на любой вкус, которая никому не даст заскучать. Приятного вечера! Услышимся на волнах нашего радио как всегда в следующий четверг, ровно в четыре.

Лампочка «On air» погасла. Из динамиков заиграл очередной новый хит никому неизвестной местной звезды. Очередной исполнитель затянул свою очередную балладу о неразделенной любви, о тяготах жизни подростков и райских землях в мегаполисах. Трехчасовой эфир закончился.

Рамуте сняла наушники, отодвинула микрофон, протяжно выдохнула и показала средний палец Арсению, звукооператору, который морщился, всем своим видом демонстрируя, что ее выпуск получился отстойным.

Арсений из тех мужчин, что в собственной безответственности, наивности и бесхитростности по невнимательности пропустил возраст взросления. Теперь в свои без малого сорок лет притворялся подростком, отзывался на имя Сеня, носил безразмерные худи с принтами, изображающими давно умерших рок-звезд, рваные джинсы и ботинки с тяжелой подошвой. Собирался набить брутальную татуировку, заняться фитнесом и жениться. Но вместо этого Сеня каждый день напивался светлым пивом, растил живот и все свободное время сидел перед монитором за компьютерными играми. Мечтал однажды начать собственное дело и разбогатеть, но ничего, кроме как жать на кнопку пульта, запускать в эфир заранее согласованные с редактором песни и в нужный момент отключать микрофон, он не умел и не стремился чему-нибудь научиться.

– Чего так грубо? Рами... Я же не серьезно, – он улыбнулся и положил папку на стол. – Кстати, красивый пальчик. Очень.

Рамуте инстинктивно спрятала пальцы в кулак. Ей давно пора записаться на маникюр, но каждый раз то времени не хватает, то денег жалко, то лень. «Завтра же пойду и сделаю», – пообещала она себе.

Рамуте развернула перетянутую резинкой папку и пролистала материалы к следующему эфиру, выискивая глазами статью со знакомой подписью «Дорогой Рамуте от Арта».

– От Артура есть что-нибудь? – спросила девушка.

– Нет, – ответил Арсений.

– Черт!

– Но мне кажется, в этот раз там есть кое-что интересное...

Девушка не дослушала, собрала бумаги, стопкой бросила их в сумочку, задвинула за собой стул и направилась к выходу.

– Дома посмотрю.

– Рами! Подожди.

Она обернулась.

Сеня встал, облокотившись о стену, и подмигнул:

– Может, сходим куда-нибудь? Я угощаю. Сегодня зарплату перечислили.

Рамуте не ответила.

– Можешь сама выбрать, куда пойдём. Любой ресторан. Что скажешь?

– Нет. Я устала.

– Тогда, может, здесь перекусим?

- Нет.

- По кусочку? – он кивнул на открытую коробку с пиццей.

- Сказала же нет.

- Ну и ладно. – Арсений вернулся за пульт, отковырял от картонной крышки засохший сыр и отправил его в рот. – И, кстати, твое шоу сегодня реально было полный отстой.

Рамуте покачала головой, еще раз на прощанье показала средний палец и закрыла за собой дверь. Настроение – хуже некуда. Она и без помощников прекрасно знала, что ее передача с каждым выпуском становилась все скучнее и скучнее. Развлекательность на нуле, полезность и того меньше. Рейтинги пробили плинтус, вприпрыжку, взявшись за руки с угасающей популярностью, устремились с шестого этажа на первый, сползли под фундамент здания и надежно там закрепились рядом с крысиными экскрементами и гнездами клопов. Творческий кризис, профессиональное выгорание... как это ни назови, дела шли из рук вон плохо. Всего пара неудачных эфиров – и преданные поклонники вмиг отвернулись от нее, превратились в армию недовольных критиков, готовых разорвать на части неудачливого радиоведущего. Нужно срочно что-то предпринять. Но что?

Папка от редакторов – склад самых скучных новостей, дешевой рифмованной рекламы доставок с автомойками и никому не интересных фактов из прошлого. Правильно поступить – не читая выбросить всю подборку на помойку. Был единственный источник достойного материала – Арт, и тот куда-то запропастился и не выходил на связь. Только Арт был в состоянии выбрать подходящую тему и подготовить качественный эфир. Где его черти носят? Он и раньше исчезал, пропадал по несколько месяцев неизвестно где, потом появлялся с толстенной папкой документов, фотографий и своей довольной рожей, но в этот раз его «исчезновение» затянулось.

- Артур не объявлялся?

Охранник проверил журнал, прокашлялся, чтобы звонко ответить, и развел руками.

– Не-а.

– Ясно. Вы только не забудьте. Сообщите мне, пожалуйста, когда он зайдет.

– Хорошо, Рами, я же обещал.

– Только обязательно. Для меня это крайне важно.

– Понял, понял. Я очень обязательный.

– Может, он позвонит или пришлет кого-нибудь.

– Хорошо-хорошо. Если вдруг что, ты же знаешь, я сразу... Обо всем помню, не волнуйся.

– Спасибо.

Она улыбнулась дежурной улыбкой, попрощалась и вышла в фойе.

«Как же, помнит он», – подумала Рамуте. Достала сигарету и закурила, несмотря на запрещающую табличку на стене. Сделала две короткие затяжки и шепотом продолжила: «Посылка моя месяц пролежала, прежде чем ты, «очень обязательный», спохватился и удосужился ее передать».

Лифт остановился, двери расползлись. Рамуте затушила окурочек в цветочном горшке, из которого заборчиком торчали с десятков ее едва прикуренных сигарет, выдула дым в сторону и невозмутимо зашла в кабинку, расталкивая локтями компанию женщин.

– Хамка! Вы только посмотрите на нее... – возмутились женщины.

Рамуте не обращала на них внимания. Ее давно перестало заботить, что о ней думают окружающие, особенно если «окружающие» – это мерзкие тетки, коллеги по цеху из конкурирующей бездарной радиостанции, располагающейся этажом выше.

Достала мобильник и набрала номер телефона Артура.

«Ну же, Арт! Куда ты пропал? Отзовись!»

Голос в трубке сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

- Зараза, - вырвалось вслух.

Она перелистнула вкладку меню «избранное» и нажала «позвонить» Никите. На дисплее засветилось улыбающееся лицо парня, держащего букет роз. Он подарил ей эти цветы на Восьмое марта, когда они только познакомились. Тогда он не знал, что этой девушке розы не нравятся. Она в принципе не любит цветы. И если он всерьез планирует с ней встречаться, ему предстоит это запомнить. Это и еще много чего другого запомнить.

- Привет, Рами.

- Я закончила.

- А я знаю. Слушал эфир. Супер, честное слово. Не мог оторваться. Ты у меня золото, талантище. Слушал бы и слушал...

- Хватит. Выпуск - дрянь.

Она знала, что Никита врал. Лживый подхалим. Если бы он на самом деле слушал, то сейчас бы сочувствовал или соболезнавал. Еще пару таких передач, и ее попросят освободить место какому-нибудь более способному ведущему.

- Не сгущай. Думаю, ты слишком требовательна к своей передаче. Твое дело качественно подать материал, красиво и убедительно говорить, а что за материал, это уже не твоя забота. Разве не так?

- Короче, я спускаюсь. Встретишь?

- Да, - голос Никиты стал серьезным.

Он не первый день знаком с Рамуте. И если она в таком настроении, нужно прекращать шуточки. Нужно быстро хватать ее под руки и вести в ближайший бар, пропустить по стаканчику и снять стресс, пока она не убила кого-нибудь.

- Через полчаса буду. Зайди пока, выпей кофейку...

- Давай я сама решу, что мне сделать и когда!

- Рами, я же...

- Что?

- Все-все. Понял, извини, молчу-молчу, скоро буду. Люблю тебя.

Рамуте не ответила, убрала телефон в карман брюк и одарила женщин из лифта своим фирменным взглядом - «какого черта вылупились?».

Сидеть в кафе, как посоветовал Никита, она не стала. Перешла через дорогу к бутику модной одежды. Магазин себя позиционировал как модный бутик, но модным в нем было лишь само слово в названии на яркой вывеске и плохо покрашенное граффити слева на стене. Кто-то неряшливо нарисовал перечеркнутую аудиоколонку и снизу криво подписал «Власть звука». Подписал криво и безвкусно, как, впрочем, все в этом городке. Ширмы, громкие рекламные лозунги, прикрывающие низкосортный ширпотреб, и вечное ожидание. Слепое ожидание и надежда на то, что в скором будущем все изменится и станет лучше, чем в столице.

Рамуте не была любительницей шопинга. Он не успокаивал ее, не помогал отвлечься. И ее никогда не заботило то, как она выглядит. Но последовать указаниям, «вежливым приказикам» Никиты, смиренно сидеть и пить кофе Рамуте не могла. Хоть очень этого хотела.

«Как же. Будет он мне говорить, что делать. Козел».

Рамуте замерла на входе. Сквозь витрину на нее смотрел манекен. Его пустые пластмассовые глаза уставились на ее растянутую неглаженую майку с нечитаемой надписью и цифрами. Его бледные щеки, казалось, напряглись. Этот

пластиковый нахал был готов рассмеяться в лицо девушке с дешевой, но практичной сумочкой в руках. Даже по меркам этого городка одежда Рамуте выглядела не стильно.

«Что вылупился? Смешно? Это ты еще кроссовки не рассмотрел, придурок», – подумала она и зашла в магазин.

Стеклянные двери сомкнулись, отгораживая Рамуте от шума загазованной улицы с ее бесконечными прохожими и погружая долгожданного клиента в уютную атмосферу запахов новой одежды, кожи и духов. Армия грациозных манекенов позировала под приятную легкую музыку, застыв в дефиле возле лакированных стеллажей с кофтами, головными уборами на подставке, обувью и крохотными сумочками на полках.

Кроме Рамуте, в магазине не было ни единого покупателя, цены в нем по меркам маленького городка до неприличия «кусачие». Рамуте прошла вдоль прилавка с бижутерией и остановилась в нескольких метрах от продавца-консультанта. Девушка за кассой что-то объясняла двоим полицейским. На появление потенциального клиента никто не отреагировал. Рамуте подошла ближе, чтобы слышать, о чем говорят полицейские, сняла с вешалки шляпу и примерила.

– Как они выглядели?

– Я вам уже ответила, не помню.

Девушка говорила манерно, стараясь поддерживать образ богатой гламурной блондинки, случайно ради шутки оказавшейся за прилавком магазина. Несмотря на то что волосы у нее были каштановые, губы тонкие, а под мышкой не сидел шумный минипесик с розовой резинкой между ушей, продавец отлично справлялась с выбранной ролью.

– Постарайтесь описать.

– Это обыкновенные хулиганы, дети.

Полицейский что-то записал.

– Какого возраста дети?

– С ума сойти, середь бела дня. – Она причмокнула, выгнула кисть, растопырив при этом пальцы, и выглянула в окно, за которым, несмотря на вечернее время, все еще было светло. – Совсем страх потеряли.

– Не отвлекайтесь, пожалуйста. Можете их описать?

– Да. Естественно.

– Какой возраст детей?

– Откуда мне знать? Я в них не разбираюсь.

– Восемь-десять лет или пятнадцать-семнадцать?

– Говорю же, обыкновенные подростки. Вот такие, – она показала рукой рост. – Лохматые, немодные. Один был в шортах... кажется...

– Понятно, – произнес полицейский и вздохнул. – А камеры? У вас же установлено видеонаблюдение.

– Не работает, конечно. – Девушка причмокнула, словно ей пришлось объяснять очевидные вещи. – Ах. Висят для вида, чтобы отпугивать глупых воров. Муляж.

– Хотя бы количество. Сколько их было, хулиганов? Постарайтесь вспомнить.

– Да, конечно же.

Возникла пауза. Девушка смотрела на полицейского, мерно хлопая ресницами, чего-то ждала, тот смотрел на нее.

– Ну?

– Что ну?

- Так сколько же?

- Что так сколько?

- Сколько их было? - полицейский с трудом скрывал раздражение.

- Почему вы злитесь? Почему давите на меня? Все давите, и давите, и давите. Преступник не я! - Продавщица подвигала плечами, словно замерзла.

- Извините, не хотел показаться грубым.

- Трое! Было трое подростков... Точно! Или четверо. Ну или, может, пятеро.

- Конкретнее можете ответить?

- Не знаю я! Как тут еще конкретнее?

Казалось, и полицейский, и девушка сейчас расплачутся от отчаяния и безысходности.

- Не переживайте. Все хорошо, - подключился другой полицейский, спасая от нервного срыва своего напарника. - Ничего же не случилось, все живы.

- Ага, как же. Ничего не случилось... Мое руководство вряд ли решит так же. Кто, по-вашему, будет платить за ремонт? - Когда она вспомнила, что ей предстоит ремонт магазина за собственные сбережения, вся гламурность мигом улетучилась, голос изменился. - И краска, и работа. Ну бли-ин. Я же не буду сама вставать и катать валиком?

- Не волнуйтесь, вы нас вызвали, мы во всем разберемся. Постарайтесь вспомнить подробности. Все, что сумеете.

- Не знаю. Когда вышла, они шмыг и разбежались по сторонам, тараканы мелкие.

– Гражданочка, а вы что-то хотели? – полицейский развернулся и обратился к Рамуте.

– Я? – девушка только сейчас заметила, что стоит спиной к зеркалу, делает вид, что выбирает шляпу, но пялится на сотрудников.

– Да, вы.

– Эм... Хочу купить, – выпалила она и протянула девушке головной убор.

– Вам придется подождать минуту.

– Хорошо.

– Совсем недолго, мы почти закончили.

– Без проблем. Скажите, а вы что, кого-то разыскиваете?

Полицейский прищурился:

– Да. Ведется расследование. Нарушители разрисовали стену. Вы что-нибудь видели?

Рамуте задумалась. Она, конечно, ничего не видела, и лучшим вариантом для нее было бы просто ответить сотруднику «нет», отвернуться и отойти в сторону. Но что бы сделал Арт на ее месте? Не упустил бы возможности. Сто процентов, воспользовался бы ситуацией, чтобы выведать подробности дела и слепить из истории репортаж. Наверняка. И наверняка репортаж получился бы превосходный. Жаль только, что она не он, а он не на ее месте. И вообще, где его носит? А если Арт и к следующему четвергу ничего не передаст? Придется снова позориться в прямом эфире...

– Вам есть что сообщить?

– А?

– Посодействуете расследованию?

Рамуте осенило. Точно! Расследование. Эврика! Мысль сама собой пришла в голову. Словно щелчок, словно укол света через задернутую штору. Почему бы самой не заняться разработкой? А что? Взять новость, разобраться в ней как следует, а дальше, подражая стилю Артура, упаковать событие в красочную, социально значимую и важную обертку. Если получится, добавить юмора...

«Дети хулиганят», нет – «Беспризорный город под прицелом», нет – «Запрещенное искусство улиц» или «Кто за это в ответе», – Рамуте попыталась подобрать заголовок.

Пусть граффити на стене – не самая резонансная тема, но с нее можно начать. Все с чего-то начинали. Она представила, как ведет журналистское расследование, как с микрофоном в руке опрашивает очевидцев и знакомится с уличными художниками. Образ себя нахальной, с микрофоном и важным лицом ей понравился. Нужно будет обо всем узнать. Типы красок, главные фестивали, направления. Взять интервью у известных граффитчиков, зафиксировать их комментарии по поводу вандализма – это добавит экспертности материалу.

У Рамуте выстроился четкий план. Да, у нее не было ни подходящего образования, ни опыта журналиста. Но, черт возьми, идея показалась ей привлекательной.

– Гражданочка, ау! Вы меня слышите? Вы в порядке?

Рамуте помотала головой:

– Кажется, нет. Вернее, да. В смысле да – в порядке, и нет – не видела никого и ничего.

Она побоялась задавать сотрудникам вопросы. Поспешно расплатилась, взяла пакет и, не дожидаясь сдачи, вышла на улицу.

«А вот и хорошее настроение», – подумала она и обернулась к бестактному манекену; теперь его пластиковый взгляд выражал почтение и одобрение.

– А? Как тебе?

«То-то же, молодец, девочка», – мысленно похвалила она себя, сделала несколько снимков разрисованной стены и убрала телефон.

Закурила. На этот раз неспешно затянулась и с наслаждением выпустила дым в небо. Тело расслабилось. Пусть она не решилась спросить подробности у полицейских, для первого дела это, наверное, и не так важно, обойдется фактами о самой субкультуре, но Рамуте точно знала, что на этот раз делает все правильно. Хватит рассчитывать на других, пора брать дела, нет, пора брать судьбу в свои руки. У нее есть время до следующего выпуска. У нее вырисовывался настоящий серьезный план. И ей не терпелось начать собственное расследование.

Рамуте запихнула в урну пакет со шляпой, которую она так и не рассмотрела, написала сообщение Сене:

«Ку.

Есть тема для моего выпуска. Подбери музыку, чтобы подходила для всяких граффити (рэп, рок или что там они слушают). И пришли списком, хочу послушать. Лучше на почту. Только заранее!

Спасибо, ты лучший».

Нажала «отправить» и набрала номер телефона Никиты.

Глава 2

Темно. Пахнет грязью, сыростью и гнилью. Мне знаком этот запах, так пахнут ночлежки бездомных. Так пахнут подвалы старых домов, дальние уголки автовокзалов. Так, кажется, пахнет само отчаяние. Что произошло? Где я? Почему?

Последнее, что могу вспомнить, – проснулся, умылся, собрал оборудование и отправился на встречу. Проверил плиту, окна, свет, воду и вышел из квартиры. Вернулся, еще раз проверил дверь, не забыл ли закрыть на замок, снова вышел. Сел в машину, пристегнулся, включил радиоприемник и поехал. Свернул с центральной улицы, чтобы миновать пробку, прокатился пару кварталов мимо медицинского университета. Затем, кажется, остановился на перекрестке. Подождал, пока загорится зеленый...

Дальше картинка обрывается. Пытаюсь пошевелиться. Боль густым фейерверком разлетается по всему телу. Хочу закричать... Безуспешно. Я обездвижен. Руки и ноги затекли. Провожу языком по пересохшему рту, по шершавой полоске ткани, протянутой между зубами. Кто-то завязал мне рот. Не могу сказать наверняка, но, кажется, у меня и на глазах повязка. Странное ощущение, тело настолько онемело, что я не могу определить, есть ли на голове повязка. Жмурюсь, моргаю, двигаю глазами из стороны в сторону – темно. Открывай, не открывай веки – никакой разницы.

– Здравствуйте!

Прислушиваюсь. Приветствует незнакомый голос. Человек совсем близко, в метре от меня. Он говорит и смеется, нервно хихикает, как ребенок, предвкушающий реакцию взрослых на свой хитроумный розыгрыш. Надо мной кто-то глупо подшутил?

– Здравствуйте, – повторяет он громче.

Когда человек лишается одного из своих органов восприятия, все другие обостряются. Так должно быть. В теории. Так это описывают люди. Но из-за зудящих покалываний ладоней и стоп, из-за боли в спине, паники и головокружения у меня не получается сконцентрироваться ни на звуках, ни на запахах.

– Захотелось именно этим словом поприветствовать вас. Так что здравствуйте. Здравствуйте-здравствуйте! Как бы странно это ни звучало.

Голос приглушается, думаю – незнакомец прикрывает рот рукой, прячет от меня смех. Пусть хоть обхохочется, лишь бы поскорее развязал. Не могу дальше терпеть путы.

– Как себя чувствуете? Стойте-стойте, не отвечайте. Догадываюсь – вы растеряны. Неожиданно, правда? Сюрприз! – Он опять прикрывает рот и смеется. – Спокойно, сейчас я вам все объясню. Главное, не шевелитесь.

У него странный голос, словно ему тяжело выговаривать слова, а может, он иностранец, который зачем-то пытается скрыть от меня акцент. Да что здесь происходит? И почему этот, с дефектом речи, обращается ко мне на «вы»?

– Ну не надо. Не шевелитесь. Эх. Ну я же предупредил.

Незнакомец говорит, а я чувствую, как кто-то или что-то меня раскачивает. Резкие дерганные движения, словно меня подняли на веревочной качели, раскачали и трясут в разные стороны. Рывки сменяются сдавленным криком, сопением и мычанием. На мгновенье раскачивания усиливаются и тут же прекращаются, останавливаются. Ощущение, словно рыбак тянул добычу, но после недолгого сопротивления леска лопнула и рыбка сорвалась. Ощущение, словно я на секунду провалился в невесомость.

Дерганья возобновляются.

– Еще раз предупреждаю, на вашем месте я бы этого не делал.

Он говорит, и что-то острое медленно проникает мне в живот. Жуткая боль. Острие неотвратно движется глубже и глубже. Словно этот незнакомец по миллиметру вонзает мне нож под солнечное сплетение. Неглубоко. Острие едва прорезает кожу. Прорезает, и человек держит, и давит, и давит, и не собирается вытаскивать лезвие. Напрягаюсь, челюсть сжимает ткань, рычу, не могу пошевелиться.

Теперь мои дерганья, мой сдавленный крик и беспомощное мычание наполняют темноту.

– Эх. Ну вот опять. Зачем же торопить события? Сначала выслушайте правила, а потом начнем играть. Проявите хоть немного терпения и уважения к ведущему. Я же все-таки готовился.

Извиваюсь, пыхчу, кусаю кляп, стараюсь отстраниться от лезвия.

– Замри.

Он приказывает не двигаться, и я интуитивно подчиняюсь. Он идет ко мне. Слышу его шаги. Чувствую, как его рука берет меня за нос, тянет за ноздри. Грубо, бесцеремонно. Но я благодарен... Пусть теперь мне не избавиться от запаха прокуренных пальцев, но эти пальцы своим движением достают нож из моего живота. Сверлящая боль отступает. Чувствую облегчение.

– Нетерпеливые вы мои. Кому я здравствуйте говорил? А? Кому желал здоровья? Хочешь уцелеть – замри... Просто же. Просто-просто.

Он хихикает, а я стараюсь не двигаться. Пока не шевелюсь, кажется, мне не воткнул в бок нож. Надеюсь.

– Ладно, уговорили, слегка подниму.

Он отходит. Цепи бряцают, что-то хрустит, звук, словно шестеренки ржавого механизма приходят в движение. Мне страшно. Меня трясет. Признаюсь, впервые в жизни мне так страшно. Я прыгал с парашютом, погружался с аквалангом, в одиночку взбирался на скалы, но только сейчас почувствовал настоящий ужас. Я где-то читал, что человека больше всего пугает неизвестность. Не соглашусь. Куда страшнее, когда в этой неизвестности, с болью во всем теле, приправленной богатой фантазией творческого человека, раздается громкий скрежет неведомых механизмов под психопатические хихиканья незнакомца.

– Ну вот. Думаю, достаточно высоко. Теперь вы готовы слушать?

Не знаю, готов ли я слушать, или отключиться, или сражаться, но я знаю, что не могу пошевелиться и стараюсь даже не дышать.

– Сейчас я развяжу вам глаза, и мы продолжим.

Его шаги вновь приближаются.

– Думаю, настало время познакомиться.

Прокуренные пальцы вновь касаются моего лица, бережно снимают повязку. Открываю глаза. Готовлюсь щуриться от яркого света софитов, ожидаю, что польются слезы, что услышу аплодисменты зрителей, но этого не происходит.

Под потолком раскачивается тусклая желтая лампа. Подвал. С высокими потолками. Грязные кирпичные стены, покрытые старой побелкой и зеленой краской. Слой паутины в подкопченных черных углах. И трубы. Толстые и тонкие, завернутые в рваную теплоизоляцию, ржавые, покрытые мелкими каплями конденсата на потрескавшейся краске. Я подвешен, привязан к какой-то металлической балке. Прочная веревка с большой палец толщиной обвивает мои руки, проходит под мышками, через поясницу, переплетается узлами под коленями и ведет к большому крюку мясника, приваренному к какому-то устройству. Я подвешен в позе эмбриона к огромной непонятной конструкции.

Стараюсь побороть подступающую панику.

– Меня зовут, кхм, на самом деле для нашей игры это не имеет большого значения, но обращайтесь ко мне, например, господин Р.?Это имя мне нравится больше всего. Подходит для ведущего. Подходит.

Смотрю по сторонам, насколько это позволяют веревки. Возле меня расхаживает незнакомый мужичок в белом халате врача. Широко шагает, жизнерадостно, как один из тех провинциалов, что в своем предпенсионном возрасте впервые оказался в мегаполисе и удивляется каждой мелочи. Готов поклясться, на голове у него парик, а борода – накладная.

– В качестве бонуса победителю можно будет называть меня просто Р.?Как считаете? Весомо?

Черная, с серой оторочкой бабочка на шее прибавляет нелепости его круглым очкам. Из-под его белоснежного халата виднеются синие в тонкую полоску брюки и начищенные до блеска туфли.

– Знайте, у меня нет и никогда не было любимчиков. Я искренне болею за всех. Так что желаю каждому из вас победы. Победы!

Он выкрикивает слово «победы», хихикает, смотрит на потолок, крутится под лампой, жестикулирует, словно гладиатор перед сражением, словно клоун на

манеже в предвкушении представления.

«Каждому из вас». Теперь знаю точно, что я здесь не один. Стараюсь повернуть голову и осмотреться получше, но веревки мешают.

– Ближайшие несколько дней мы проведем вместе. В тесной, в меру дружелюбной, приятной и, мне хочется думать, веселой компании.

Замаскированный исчезает из моего поля зрения. Не могу проследить за ним, возвращаюсь к разглядыванию потолка. Стараюсь взять себя в руки и определить, что происходит. Какой-то сюр. Неужели меня по-настоящему ранили? Может, я не чувствую, а тем временем истекаю кровью. Никак не получается дотянуться до живота, чтобы проверить.

Нет-нет. Это уж слишком, чтобы быть правдой. Шоу?.. Шоу!.. Скорее всего. Наверное, участвую в каком-то тупом ультрасовременном проекте. Но я не помню, чтобы с кем-нибудь договаривался о съемках. И не подписывал никаких договоров, кажется. В то же время и на розыгрыш это не очень похоже. Боль чересчур реалистичная. Хотя... Возможно, меня просто ущипнули? Создали атмосферу, напугали, а остальное я сам дофантазировал. Сидят, смотрят и посмеиваются.

Как же болит спина... Нужно прекращать паниковать, сконцентрироваться на происходящем и показать зрителям, какой я бесстрашный.

Что я знаю наверняка? Меня связали в подвале. Подвесили, как мешок с картошкой, к какой-то железной хреновине. И я здесь не один такой. Нас держит в плену ведущий – некто господин Р, и судя по звукам, он сейчас развязывает глаза моему оппоненту. Что за продюсер согласился подписаться на такое дурацкое шоу? Кому может быть интересно наблюдать такое? И на каком канале планируют выпускать? Хотя... В принципе, почему бы и нет, если для интернет-проекта – вполне оригинально. Неплохая задумка, стоит признать. Вот только... Какого хрена меня записали в участники?

Так. Ладно. Что еще... Еще мне больно. Мышцы затекли, не чувствую кончиков пальцев. Чертовски больно. И спине. И шее.

– Вас мучают вопросы. Понимаю. – Р говорит и отходит к двери. – Но, думаю, лучше я покажу, а потом расскажу. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз... ну вы же и сами в курсе. – Он выкатывает ширму на колесиках, прикрытую тканью. Поворачивает ее ко мне. – Готово. Но прежде чем вы насладитесь совершенством экстравагантной идеи, ее нерушимой справедливостью и собственно инженерной мыслью, мне нужно немного привести себя в порядок.

Он достает из кармана платок, стряхивает, наклоняется и чистит от пыли туфли.

– Плохое решение – делать пол из песка. Согласитесь. И ходить неприятно, и обувь портится. А как говорится, туфли – зеркало души джентльмена. Или так не говорится? – Он хохочет, прячет платок в карман, отряхивает ладони. Поправляет халат и с видом художника, только что закончившего картину, встает возле ширмы.

– Ну что? – Он торжественно, как опытный продавец, готовый представить шедевр критикам, стоит возле ширмы. – Барабанная дробь... – Он хватает за край ткани двумя руками. Выдерживает паузу, интригует, косится на меня.

– Вуаля! – Он сдергивает ткань и бросает ее на песок. Радуетса, кривляется и корчится. Стучит себя ладонями по коленям, подпрыгивает, поправляет сползший парик, переминается с ноги на ногу, словно его приперло в туалет.

– Вуаля! Вуа-ля! Вуа-вуа-вуа-ля! Тада-ам!

Под тканью скрывалось здоровенное зеркало.

– Теперь видите? Ну как вам? А? Впечатляет?

Он скачет и двигает ширму, чтобы мы могли получше рассмотреть отразившуюся в зеркале ужасающую конструкцию.

– Весомо? – Он чуть ли не катается по полу со смеха. – Весомо? А?

Меня трясет. Он псих. Натуральный психопат.

– Правду говорят, что месть сладка. А наказание куда слаще меда. – Он заикается от перевозбуждения. – А знаете, как еще говорят? Правды нет на земле. Вот такой вот парадокс. Ее нет, и в то же время все о ней говорят. И я тоже говорю. А ее нет.

Он встречается взглядом со своим отражением и застывает. Его рот открывается, он дует на стекло, которое запотеваает, и его рука протирает след краем халата.

– Нет ни правды, – он переходит на шепот, – ни чести, ни справедливости. Никакой суд не в состоянии восстановить справедливость. Ни верховный, ни высший, ни божий. Все это – пустые слова.

Он отворачивается от зеркала и вновь становится веселым.

– Я недавно осознал один факт: закон, цензура, правила, манеры – все это прерогатива бедных. Воспитание, принципы и прочие ненужности придуманы, только чтобы мешать жить. Принципы. Хах. Их тоже почти не осталось. Вымерли, как мамонты, как динозавры, как правда. Не осталось ничего святого. Вокруг и разговоров только, как обмануть ближнего да как повыгоднее продать совесть. Новая религия в расцвете. И главное божество – деньги.

Он несет полнейший бред! И здесь нет ни камер, ни зрителей. Это никакое не шоу. Кошмар. Меня сейчас стошнит.

– Да, друзья, – продолжает он сквозь неправдоподобный смех. – Суд не может. Государство не может. А я смог наказать. Смог! – Р замирает, мгновенно перестает смеяться. Отходит от зеркала, останавливается, строго смотрит на нас через отражение и загробным голосом говорит: – Внимательнее изучайте. Скоро начнется игра!

Глава 3

Никита свернул в переулок. На проспекте с парковкой постоянные проблемы, пришлось оставить машину в нескольких кварталах и прогуляться пешком. Он

всегда так поступал, если Рамуте просила встретиться ее после работы. Срывался, где бы он ни находился, и спешил к своей девушке; возможно, она была «его девушкой» лишь по его мнению, Рамуте избегала давать определение их отношениям, но Никита предпочитал думать, что у них серьезные отношения.

Ему нравилось прогуливаться. Он успевал собраться с мыслями и насладиться ожиданием встречи.

К тому же можно срезать через дворы и по пути заглянуть в маленькую пекарню. Ничего особенного, обычный ларек со свежей выпечкой. Но в нем продавали пирожное «Корзинка с кремом» – любимое лакомство Рамуте. Это он тоже знал. Если верить ей – это пирожное с тем самым вкусом из детства, с настоящим кремом.

Никита в очередной раз набрал номер телефона Рамуте, она не ответила. Не ответила так же, как не ответила на его недавнее предложение переехать к нему. Проигнорировала, выпроводила за дверь со словами «до вечера» и скупым поцелуем в щеку. Это не отказ и не ссора. Вечером она, как всегда, вернется. Вернется его ненаглядная страстная Рами. Позвонит, пригласит в гости. Он, естественно, словно верный пес, прибежит по команде. Прибежит, и они займутся сексом. А утром... Все повторится.

– Ух! Твою ж мать, – выругался он, зацепившись за корягу, потерял равновесие и чуть было не упал.

Никита – гордый и себялюбивый. И он не станет гоняться за юбкой. Не станет прислуживать и носить на руках ту, что не ценит его усилий. Это же всего лишь девушка. Обыкновенная. Очередная дамочка. Сколько таких в этом городе? Однажды он не выдержит, психанет и пошлет Рами куда подальше. И нет, Никита не будет кричать, спокойно, как это обычно делает она, попросит Рами уйти из его жизни... Так он думает каждый раз, когда спускается по лестнице из квартиры Рамуте. Так он фантазирует, когда остается наедине со своими мыслями. Так он себя успокаивает. И так продолжается второй год.

После переезда Рамуте из Каунаса в этот городок жизнь Никиты навсегда изменилась. Перестала подчиняться графику, избавилась от его личных интересов и подчинилась желаниям Рами. Он раньше не задумывался, какой должна быть его идеальная женщина. Какой у нее должен быть характер или

внешность. Но он точно знал, что его вторая половинка обязана хорошо готовить, любить убираться в квартире, быть понимающим собеседником, страстной, сговорчивой, смелой и изобретательной в постели. А еще быть верной и любящей.

Из всех пожеланий Никиты Рамуте соответствовала только его пунктам о сексе. Все остальное – мимо. Одна мысль о готовке вызывала в ней отвращение. Максимум на что она была способна – залить кипятком кофе и разогреть в микроволновке пиццу. Терпеть не могла уборку. В ее квартире нет ни одного стула, на спинке которого не висело бы по паре кофт, маек, бюстгалтеров и пакетов. Вместо того чтобы самостоятельно разложить вещи на полках, Рами предпочитала раз в неделю заказать уборщиц, которые за четверть ее зарплаты наведут порядок. О сопливых беседах, лирике, романтике во всех ее проявлениях, сантиментах и прочих нежностях Никита мог и не мечтать. Все четко, коротко, сухо и по фактам. Но больше всего Рамуте ненавидела разговоры о любви и планах на будущее. «Подобные беседы вызывают у меня желание залить уши воском» – так она говорила.

«До вечера», холодный поцелуй в щеку, и свободен.

Никита, как Золушка, только не в полночь, а с восходом солнца и трезвонящим будильником, превращался в ненужный, мешающий, раздражающий элемент мебели в чужой квартире, в квартире Рамуте. Любая инициатива с переездом к нему расценивалась как давление и вторжение в личное пространство. Возможно, поэтому, а не из-за ревности к Юргису – бывшему Рамуте, с которым она продолжала общаться, – Никита до сих пор не решился сделать ей предложение. Не признался, что мечтает завести с ней детей, двоих, а лучше троих: сына и дочек-близняшек.

– Корзинки свежие?

– Все сегодняшнее.

– Одну корзинку, пожалуйста.

– С собой или на месте? – автоматически спросила продавщица, подцепив щипцами пирожное с прилавка.

- С собой. Только дайте вон ту, соседнюю. Она выглядит как-то поаккуратнее.

- Эту?

- Да. В контейнер, пожалуйста.

Никита знал, что Рамуте не любила, когда крем размазывается по упаковке, знал, что, если принесет угощение в пакете, его ждет грандиозный скандал. Поэтому попросил упаковать сладость в контейнер, который стоил вдвое дороже самого пирожного.

Зазвонил телефон. Никита выдернул его из кармана и приложил к уху.

- Алло, Рами, я уже приехал...

- Угу. Естественно. Уже приехал. Где же еще тебе быть?

- Катя?

Он перевернул телефон и разочарованно посмотрел на дисплей. Фотография девушки с аккуратно уложенными, выкрашенными в черный цвет волосами смотрела на него своим осуждающим взглядом.

- Кать, что тебе надо? Я же предупредил. Буду занят!

- Чего орешь?

- Сказал же, сегодня меня не ждите!

- Да послушай... Я звоню предупредить. Приходил начальник.

Никита замолчал и сжал губы.

- И что он?

– Как обычно. Проверил отчет и обложил меня матом. Еще спрашивал, почему тебя нет на рабочем месте. Грозился уволить.

Никита выпрямился и взял мобильник другой рукой:

– И что? Он догадался?

– О чем? О том, что ты уехал к своей этой... как там ее...

– Катя, что ты ему ответила?

– Что-что, соврала! – Она тоже перешла на крик. – Сказала, что ты к половине восьмого уехал на склады.

– Он поверил? – Никита не мог себе позволить потерять работу. Только не сейчас, когда их отношения с Рами, как он рассчитывал, вот-вот продвинутся и перейдут на новый уровень.

– Поверил! И перестань кричать.

– Фуф... – Никита выдохнул.

Начальник, несмотря на самодурство, готов на многое закрыть глаза; покричит, унизит, пригрозит, но не уволит. Его категоричное «Пошел вон» можно услышать только из-за серьезного проступка или из-за пропуска без уважительной причины.

– Спасибо.

– Так что имей в виду, если позвонит, ты у поставщиков. И смотри не перепутай, а то подставишь меня.

– Понял. Спасибо, Катя.

– Еще он сказал, что ты такой у нас весь молодец, трудяга и за переработку тебя ждет премия в конце месяца.

– Катя.

– Что Катя?

– Спасибо.

– И все? С тебя шоколадка. – Девушка успокоилась и обиженно добавила: – А лучше две.

– С орешками.

– Угу. И букетик. – Она кокетливо засмеялась. – Маленький, чтоб в вазочке поместился. Из розочек, как в тот раз.

Катя никогда не скрывала своей симпатии к коллеге. Корпоративная этика даже в этом городишке запрещала служебные романы. Любая интрижка грозила увольнением, причем обоих. Но Катю это не останавливало, и несмотря на полное равнодушие Никиты, она продолжала оказывать ему знаки внимания. Прошлый его букет простоял у нее на столе, пока не превратился в гербарий, после чего она еще долго не решалась выбросить напоминание о драгоценном равнодушном ненаглядном.

– Катя, извини, что я так грубо...

Она улыбалась. Ей достаточно того, что сумела помочь своему Нику, Никите, Никиточке. Пригодилась, спасла. И он проинформирован об этом лично ею. Он оценил.

– В другой раз не надо на меня орать. А извинения побереги для своей этой... как ее... со странным именем.

– Рамуте.

Он мог не пояснять. Катя прекрасно знала, как зовут гадкую девушку ее Никиты. Изучила всю биографию литовки Рамуте. Знала, что она с самого рождения детдомовская, что у нее не было родителей, ни своих, ни приемных. Катя, конечно, не догадывалась, как так вышло, что невинный ребенок оказался

никому ненужным, но для себя решила, что ей ни капельки не жаль наглуую хамку, это справедливо, раз проклятая литовка захомотала ее любимого Никиту. Катя слушала каждый выпуск радиопрограммы своей соперницы, выискивая компрометирующие факты. Никогда не смеялась, даже если шутка в репортаже была смешной. Радовалась, когда выпуск получался отвратительным. Несколько раз ей удавалось дозвониться в прямой эфир и анонимно выразить свое возмущение и критику в адрес неприятной, непрофессиональной и мерзкой ведущей.

– Я не такая, как твоя... Эм...

– Рами.

– Все. Пока. Мне нужно работать. – Она повесила трубку.

Никита улыбнулся и набрал сообщение:

«Большое спасибо, Катенька. Ты просто золото. Ты мой ангел-хранитель. Обнял-приподнял».

В конце добавил подмигивающий смайлик и картинку букета из розочек, но не успел отправить. На экране высветилось уведомление:

«Один пропущенный вызов:

Звонил абонент “Рами” в 19:36».

Он тут же открыл вкладку «контакты» и набрал номер телефона Рамуте.

Глава 4

– Можно?

Молодой старший лейтенант стоял на пороге кабинета своего начальника, не решаясь зайти. Его взъерошенные черные волосы с неаккуратным пробором над левой бровью, торчащие прядки на макушке говорили о проведенной бессонной ночи. И в обычный день нелепая прическа сегодня с особым шармом нависала над его поломанными ушами. Из-под челки строгие глаза сканировали, сверлили пространство вокруг, выискивая и подозревая всех и во всем. Его нос с горбинкой, под которым росли густые усы, постоянно приплюсывался, словно его обладатель старался напасть на след преступника. Любого преступника, главное – поскорее приступить к работе. В руках он держал тонкую папку серого цвета.

– Федор, здравствуй. Что встал? – Полковник с благородной сединой в волосах, с добрым лицом и морщинками в уголках глаз приветливо улыбнулся и махнул рукой, предлагая подчиненному проходить.

Следователь кивнул, поправил пиджак и приблизился к столу.

– Здравия желаю.

– Вместо «добрый день» здравия, значит, желаешь? Угу. Что-то произошло?

– Так точно. Помните те безымянные трупы в прошлом месяце?

– И? Нашлись родственники?

– Нет.

– Знакомые?

– Нет.

– Тогда что? Ну не тяни, говори уже.

– Понимаете. Мы же то дело... Ну которое тогда, в прошлом месяце... С безымянными. В общем, мы его закрыли, дескать бытовой конфликт, убийство по неосторожности и самоубийство. А потом...

– Короче.

– Так вот, у нас, кажется, второй случай.

– Второй?

– Да. Очень похожая ситуация. Если не брать во внимание кое-какие детали – точь-в-точь...

– Федор, не начинай опять. Я знаю и понимаю твоё желание раскрыть суперпреступление. Но в нашем городке тебе не стать Шерлоком. Когда-то я был молодым, таким как ты, горячим, нетерпеливым. И я тоже мечтал о делах, где фигурировали бы тайные секты, банды отморожков с наркокартелями, кровожадные головорезы с запасом тротила и прочие воспетые в фильмах радости. Понимаешь?

– Так точно.

– Но я быстро осознал, и ты тоже, поверь, очень скоро осознаешь. Здесь, в нашем Чертигденске, скромном, тихом и уютном, ничего серьезнее кражи велосипеда и рассерженной своим пьяным мужем тети Гали из двадцать шестой квартиры произойти не может. – Он сделал паузу, ожидая реакции Федора.

– Так точно.

– У нас в городе всего четыре следователя, включая тебя и меня. И у каждого минимум по семь дел. Мы физически не можем тратить ресурс на расследование чьих-то фантазий и беспочвенных предположений. Ты меня понимаешь?

– Так точно.

– Так что запомни, если у нас кто-то умирает, то только от старости или от болезни.

– Есть.

– В крайнем случае по нелепой случайности. Ну или еще по пьяни, что тоже не исключено, но это реже. Помнишь, случай с пьяным эмчезовцем, что упал на ограду палисадника?

– Да.

– Ну вот. – Начальник вздохнул и потер лицо: – Так что, если ты собрался поиграть в крутого героя боевика, с погонями, перестрелками, привлечением прессы и покрытием себя славой, – добивайся перевода в Питер или Москву.

– Но их убили тем же способом. И я почти уверен – убийца один и тот же человек.

– Твою ж мать! – перебил начальник и жестом приказал подчиненному сесть за стол. – Никаких убийц и убийств! Ты меня вообще слушаешь? У нас с гулькин нос следователей и три калеки оперов, а он заладил... И что там за трупы у тебя? Опять алкашня?

Федор расстегнул пуговицы кителя и сел.

– Два тела. Личности установлены. Прохоров Ростислав Валерьевич и Свиридов Илья Викторович. Дальнобойщики. Установлено, что они были знакомы между собой. Напарники. По первой оценке, умерли около недели назад.

Следователь не решился еще раз сказать, что жертвы были убиты, остановился на формулировке «умерли».

– Свидетели преступления, очевидцы, камеры?

– Нет.

– Так. Ладно.

Начальник планировал разбить аргументы своего подчиненного касательно связанности между собой двух происшествий, приготовил контрдоводы на любое слово следователя. Он уже сложил картину происшествия. Два мужика, водителя, собрались после рейса, крепко выпили.

- Давай подробности. Сейчас во всем разберемся.

- Зброшенная стройка.

- Так.

- Две насильственные смерти. Две предположительно насильственные смерти. - Федор, скривившись, добавил слово «предположительно», чтобы не нервировать начальника.

- Так.

- Два изуродованных тела. - Он положил папку перед начальником и жестом спросил разрешение закурить.

- Кури.

Начальник пододвинул пепельницу на середину стола. Федор достал сигарету, прикурил и продолжил:

- Закрытое помещение, лужи крови.

- То есть ты объединил в серию два происшествия по принципу - есть кровь, значит, дела связаны?

- Нет. Там все как под копирку. Отличается от прошлого эпизода только тем, что на этот раз в помещении стоят огромные весы. - Старший лейтенант выдул дым себе на колени и потер подбородок.

- Что? - Начальник приподнял брови. Он не был готов смириться с извращениями в своем городе.

- Да. Весы.

- И что это за хрень?

- Не могу знать. Здоровенные. От пола до потолка. Самодельная конструкция.

- И?

- Сверху закреплены сваренные из арматуры заточенные колья. По-видимому, убийца сам смастерил их, чтобы пытаться жертвы.

- Угу. - Начальник многозначительно покачал головой. - Или все не совсем так. Не будем спешить с выводами.

- Тогда как объяснить?

- Легко и просто. Может, весы эти смастерил кто-то из тех, кто позже умер! - не сдавался начальник. - Построил, пригласил друга обмыть изобретение. Но что-то не поделили, завязалась драка. Чем тебе не теория?

- Не знаю. Возможно, вы правы. Может, это кто-то из тех, кто потом умер. Пока трудно сказать.

- Заперто изнутри?

- Да.

- Ключ в замочной скважине?

- Да. Говорю же, все как в тот раз. Ключ сломан в замке.

- А окна? Вентиляционные шахты? Люки? Хоть что-нибудь...

- Нет. В том-то и проблема. Все как на складе. Одна дверь и, без вариантов, заперто изнутри.

- Ну и как такое возможно?

- Мистика.

Начальник промолчал и тоже закурил.

- Показывай. - Он все еще не хотел принять тот факт, что его подчиненный может оказаться прав.

- Вот, это пока все, что есть, - следователь развернул папку и передал снимки начальнику.

- Три листочка? - фыркнул начальник, перелистывая страницы тонкой папки. - И это все?

- Так точно. Пока все.

- Да уж.

- Фотографии с нового места преступления еще не готовы, а три снимка и заключения экспертов по предыдущему случаю перед вами.

Федор отвечал уверенно. Он не собирался оправдываться. В деле о смертях на строительном складе только он выступил с инициативой как следует разобраться в происшедшем, но его осадили, указали на его место и благополучно закрыли бесперспективное дело. Дело, которое «В моем городе исключено!», так тогда сказал начальник.

- Мы не стали проводить полноценное расследование. Пьяная драка, бомжи. Кому они интересны?

- Молчать!

- Есть.

- Ты мне еще начни объяснять, что мы стали делать, а чего нет! Докладывай!

- Есть. - Следователь затушил одну и закурил вторую сигарету. - Обстоятельства настолько похожи, что, если попробовать сравнить фотографии, трудно будет определить, которые сделаны на месте первого преступления, а какие новые.

- Двое мужчин?

- Да. Выбор места, обстановка помещения, все одинаково. Я бы сказал, идентично.

- Какой-то бред.

- Отличается характер ранений жертв. Новые пострадали значительно сильнее. Все это похоже на ритуальные убийства.

- Факты. И никаких домыслов. Меня сейчас не интересует, на что это, по-твоему, похоже.

- Есть.

- Продолжай.

- В помещении снова решетка для барбекю, нож и две бутылки воды, перемешанной с песком.

- Угу. Вот видишь, все сходится. Ничего особенного. Я тебе объясню, как все произошло...

- Нет-нет, - перебил Федор начальника. - Не получится проигнорировать. Если в прошлый раз мы могли еще хоть как-то списать на бытовуху, то теперь...

- Что теперь? Мужики после работы отправились подальше от жен пожарить шашлык под пивко. Наверняка пивом не ограничились и выпивали что-нибудь покрепче. Ну, а дальше по знакомому сценарию - пьяная драка, попереубивали друг друга.

- А весы?

- Про их появление я тебе уже объяснил.

- Они в крови.

– И?

– Похоже, с их помощью совершалось преступление. И похоже, у нас в городе орудует убийца. Настоящий. Серийный.

– Угомонись. – Начальник заговорил полушепотом, стараясь говорить спокойно. – Еще раз повторю, следователь, давай, без твоих поспешных выводов.

– Сами посудите. Слишком много совпадений. Какие тут могут быть поспешности? Почему вы отрицаете очевидное?

– Отставить!

– Совершены похожие преступления. Убийства. Не просто похожие, а одинаковые, с периодичностью в несколько месяцев. Все, как описано в методичке по серийным...

– Прекратить! Слышишь? Усмири, наконец, свою фантазию и тягу к маньякам. И прекращай читать всякую дрянь. Не будет тебе ни расследований с горой жертв, ни жестоких убийц-психопатов.

– Есть.

– Не будет! Не здесь. Не в моем городе.

Федор промолчал.

Начальник задергался. До него понемногу стало доходить, что дело серьезное и что голову в песок не спрятать. А если и попытается спрятать, то голова не спрячется в песок, а полетит с плеч, вместе с погонями. Он постарался скрыть волнение, но дрожащие пальцы выдавали нервозность. Он стукнул ладонью по столу:

– Итак, что нам известно? Работаем! Факты-факты!

- Личности двоих установлены. Дальнобойщики. Напарники. Пропали месяц назад. С прошлыми двумя пока глухо. Работаем...

- Плохо работаете. По факту уже четыре трупа! Двое до сих пор безымянные, а им трудно сказать!

- Но вы же сами не дали мне возможности...

В дверь постучали.

- Да!

В кабинет заглянул помощник следователя.

- Можно?

- Зайди.

- У нас еще одна комната. Подвал. Нашли.

- Успокойся и объясни нормально.

- Комната. Заперто изнутри. Такие же два трупа. Предположительно женщина и ребенок. И похоже, прошло не меньше полугода. Тела начали высыхать.

Глава 5

- Алло, ты где? - Голос в трубке звучал весело.

Никита рассчитывал услышать проклятия в свой адрес за то, что его телефон постоянно занят, что она уже устала ждать, когда он приедет. Но вместо этого Рамуте задорно тараторила:

– Бегом-бегом! Нам срочно нужно выезжать. У меня появилась идея на миллион! На миллион миллиардов миллионов!

– Подхожу к проспекту.

– Не надо, я уже возле машины. Возвращайся скорее, у нас с тобой есть важное дело.

– Какое? – Никита рассмеялся.

Он представил, что Рами, как в прошлый раз, предложит поехать в приют и выбрать очередную миленькую зверушку, которую опять поселит дома у Никиты. Поселит, можно не сомневаться. У себя держать она не может, она же творческая натура, ее часто не бывает дома и ей некогда ухаживать за питомцем. У Никиты же, по мнению Рамуте, напротив, всегда полно свободного времени, особенно для ухаживания за животными. У него уже жили два кота, попугай Владюша и трехлапый пес, которому еще не успели дать имя.

«Ничего, – подумал он, – прокормим. Одним больше, одним меньше. Главное, что девушка довольна».

Он любил, когда его Рами была в бодром настроении. Она не признавала полутонов, если грустила – не стой на пути. Но если радовалась, то в своем порыве счастья подхватывала окружающих, заставляя улыбнуться даже самых хмурых прохожих.

– Короче, давай скорее. Жду!

Никита не успел ответить, она прервала вызов. Улыбнулся и с угощением в руках поспешил к парковке.

Рамуте оглянулась и посмотрела на часы. Сложила ладони у лица, прислонилась к стеклу и заглянула через окно в салон закрытого «Ситроена». Подергала за ручку, посмотрела по сторонам, снова в салон и снова посмотрела на часы. Пролистала на телефоне фотографии с граффити, еще раз попыталась придумать заголовок для выпуска.

«О чем кричат кирпичи» – слишком абстрактно. «Для самовыражения нам и красок не жалко» – глупость. «Грязь на стенах города или высокое искусство» – банальный, банальный идиотизм.

Она перевернула дисплей, еще раз прочитала надпись «Власть звука» и потянула за край снимка, увеличивая перечеркнутую колонку. Что бы это значило? Какие ассоциации рождаются, когда видишь эту надпись? И перечеркнутый динамик... Неспроста. Художник, кто бы он ни был, заложил смысл в творение, перед тем как выпустил поток краски из баллончика. Рамуте закрыла глаза, представляя себя возле стены с рюкзаком, доверху набитым красками. Представила себя на месте художника и что-то почувствовала. Ей показалось, что она ухватилась за тоненькую нить зарождающегося креатива и вот-вот сформулирует правильные слова, чтобы описать свои ощущения от изображения, и подберет название. Это. Вот. Это же... Она словно хотела чихнуть, напряглась, затаилась, чтобы ни один неловкий вдох не помешал и...

– Рами, привет, – крикнул Никита и перебил ее рассуждения. Он вышел из-за угла и помахал. – Давно ждешь?

Рамуте помахала в ответ. Она не разозлилась и не испытала разочарования из-за того, что едва уловимое чувство растворилось при появлении Никиты. Ничто не испортит ей настроение. И он же не виноват. В этом весь он, весь Никита – появляется в самый неподходящий момент, и он всегда ни при чем.

Никита поднял над головой контейнер с пирожным.

– Смотри, что у меня есть для тебя.

Рамуте вздохнула, улыбнулась и постучала пальцами по запястью, мол, поторапливайся.

Последние метры до машины Никита пробежал.

– Держи, – он протянул упаковку. – Твое любимое.

Вовремя появлялся Никита или нет, но он точно знал, перед чем Рамуте не сможет устоять. Необъятная горка сладкого крема – одна из таких вещей,

которые всегда поднимали ей настроение.

– Заводи!

Рамуте плюхнулась на пассажирское сиденье, открыла коробку и, не доставая пирожное из упаковки, откусила. Никита, счастливый, сел за руль. В таком настроении Рами напоминала ему маленькую девочку, которая раздобыла где-то целый пакет любимой фруктовой жвачки, склонилась над ним, хлопает в ладоши, разворачивает фантик за фантиком и ни разу не вытягивает вкладыш-повторку.

– Что за спешка? Куда поедем?

– Не знаю. – Рамуте засмеялась и вытерла кончик носа от крема. – Это ты подскажи.

Никита поднял брови.

– Ладно, сейчас. – Он задумался. Было бы чудесно угадать желание Рамуте, это добавило бы ему баллов в их отношениях, но Никита терялся в догадках. – Хотя бы намекни... Из какой области?

Он очень надеялся, что это не новый зоомагазин или приют для бездомных собак.

– Попробуй угадать.

– Открылось новое заведение в городе, ресторан, и мы торопимся туда на ужин?

– Нет.

– А, понял. Опять какой-то фестиваль, и если не поторопимся – опоздаем на открытие?

– Нет.

– Распродажа платьев?

– Ха-ха, очень смешно.

– Рами, сдаюсь.

– Короче... – Она чуть не выронила пирожное. – Мы с тобой начинаем журналистское расследование.

– Чего?

Никита нахмурился. Обычно он был не против поддержать любую фантазию Рами, но идея с расследованием, пусть даже всего лишь журналистским, ему сразу не понравилась.

– Того. Теперь я главная, а ты мой непутевый помощник. Как у всех сыщиков.

Никита поднял брови еще выше. Новая игра Рамуте ему нравилась все меньше и меньше.

– Сыщиков?

– Да.

Она в двух словах пересказала ему свои мысли и планы по поводу проблемы граффити в городе. Рассказала о встрече с полицией. Показала снимки разрисованной стены магазина. Несколько раз подчеркнула, что дело необычайной важности и что только он сможет ей помочь.

– Но зачем?

– Издеваешься? Что неясно? Добудем материал для передачи. Сам слышал мои последние выпуски. Выбора нет. Хочешь сделать хорошо, сделай сама.

– А что твой Артур?

– Молчит.

– Так, давай заедем к нему. – Никита всеми силами пытался увильнуть от роли непутевого помощника детектива. – Может, человек заболел.

– Я бы с радостью. Адрес не знаю. Только телефон, но там – абонент не абонент.

– А узнать у кого-нибудь?

– Слушай, генератор идей, ты со мной или как? – Рамуте начинала злиться. – Самый умный? Думаешь, если бы у меня был адрес Арта, я бы до сих пор ждала и не съездила к нему? Такая тупая, не догадалась бы?

– Ну мало ли.

– Короче, Никита, не хочешь помогать, так и скажи. Мне уже надоело твоё нытьё.

Она собрала пальцем остатки крема, отправила их в рот. Закрыла коробку с недоеденным пирожным. Рамуте никогда не ела саму корзинку с повидлом, только крем. По её мнению, толстеют от теста, а не от взбитого крема, на девяносто процентов состоящего из сахара.

Никита завел двигатель.

– Рами, не злись. Ты же знаешь, я всегда готов помочь тебе во всем. В любом деле.

– Вот. Так бы сразу. – Рамуте потянулась и поцеловала его в щеку, испачкав кремом. – С чего начнем?

Он задумался. Никите хотелось сказать, что он лучше согласится поехать в приют и забрать к себе еще пять котов, и столько же собак, и столько же крокодилов, если понадобится, лишь бы не заниматься расследованием. Но он посмотрел на Рамуте, заглянул в её горящие надеждой глаза и произнес:

– Есть у меня мысль.

- Да? - Рамуте оживилась.

- Да. Заедем к одному знакомому.

- К которому?

Рамуте знала всех друзей Никиты. Пусть она всех их терпеть не могла, но знала каждого. Ни один из них не подходил на роль консультанта в ее расследовании. И чем они смогут помочь?

- Ты его не знаешь. Он и не сильно знакомый мне, в целом. Но, думаю, подскажет. Это его вотчина.

- Ого. Он полицейский?

- Нет. - Никита прищурился.

- Тогда кто?

- Он настоящий профессиональный частный детектив.

- Seriously? - Рамуте удивленно посмотрела на Никиту. - А откуда у тебя...

- Шучу, Рами, выдыхай. - Никита рассмеялся. - Ух, видела бы ты свое лицо.

- Очень смешно.

- Он художник. Масляная живопись, разработка дизайна логотипов, краски, портреты и тому подобное. Сто лет назад делал для фирмы картинку на рекламную брошюру. Не детектив, но из нас, как мне кажется, он лучше всех разбирается в рисунках.

Рами удовлетворенно кивнула.

Глава 6

Зеркальная ширма вращается. Р наблюдает, наслаждается нашей реакцией. В отражении вижу, как я, опоясанный вдоль и поперек веревкой, словно маринованный мясной рулет, готовый к отправке в духовку, повис, пристегнутый к жуткой конструкции, напоминающей огромные равноплечные весы. Толстые стальные прутья переплетаются между собой, соединяются посередине широкой, прикрученной на болты пластиной. Стрелка, указывающая на равновесие, направлена вверх к цилиндру, упирается в ложбинку с тремя насечками. Длинные балки, напоминающие железнодорожные рельсы, отходят от центра и заканчиваются приваренными к ним крюками, на одном из которых вместо поддона подвешен я. Что у этого господина Р в голове? Только самый больной психопат на планете в состоянии придумать и тем более соорудить такое. Садист.

С обратной стороны конструкции в качестве противовеса мне привязан еще один человек. Не могу рассмотреть его лицо, он, как и я, висит в позе эмбриона. Снизу к нему пристегнут утяжелитель. Мы уравниваем друг друга. Сверху, прямо над нами, приварена широкая балка с закрепленными на ней по бокам острыми копьями, направленными нам в животы. Весь металл ржавый, необработанный, грязный.

– Как вы уже, скорее всего, догадались, я подготовил игру, чтобы выяснить, кто из вас предоставит мне самый весомый аргумент, чтобы избежать наказания.

Он интонацией подчеркивает слово «весомый» и рисует пальцем на зеркале стрелку вверх.

– Аргумент должен быть убедительный и доказывающий, что именно произнесший его участник достоин победить и выжить.

Палец скрипит по стеклу, пишет единицу, рядом подрисовывает восклицательный знак, оставляет в покое зеркало и потирает подбородок.

– Да, вы не ослышались, победит лишь один из вас. Второго, кхм, ждет смерть. Впрочем, не спрашиваю, согласны ли вы поучаствовать. Если решите выйти из игры...

Он возвращается к зеркалу, выпрямляется и продолжает объяснять условия:

– Указатель вот этот, видите? Он крохотный, но приводит в действие весь механизм. И в случае отказа от игры именно этот указатель, назовем его «бритва», помогает участнику... Эм... – Он трет накладную бороду, подбирая подходящее слово. – Скажем так, помогает самоликвидироваться.

Он пожимает плечами и говорит, что бритва проникнет через подошву, проделает путь через все тело и выйдет через макушку. Говорит, что в этом нет ничего особенного и что это не понравится ни ему, ни нам.

– Ничего особенного. Магниты и сталь. Скучно и долго. И больно. И шумно. – Он сдерживает улыбку и поправляет парик.

Меня успокаивает, когда этот псих трогает свой парик и накладную бороду. Если он скрывает от нас свою внешность, значит, на самом деле есть шанс, что мы выживем, что я выживу. Он отпустит хотя бы одного из нас. Наверняка. Иначе зачем весь этот маскарад?

– Но, опять же, решать вам, как поступить. Свобода воли.

Кажется, псих слегка успокоился. Он перестал дергаться, кашлять и хихикать.

– В случае отказа от игры одного из участников победа присуждается ведущему. То есть мне. И ведущий, то есть я, будет вправе сам решать судьбу оставшегося участника.

Он крутит рычаг, шестеренки трещат, и балка с копьями опускается.

– Но не переживайте, уверен, до этого не дойдет. Все будет как положено. Все будет справедливо. У каждого из вас появится полноценная возможность проявить себя. Будет и возможность, и время. – Он кивает на часы, висящие на противоположной стене.

По выцветшему циферблату скачет изогнутая секундная стрелка. Цифры от трех до восьми обведены красным.

– Будет шанс. Показать себя и мне, и оппоненту. А я буду решать, «весомо» это или нет.

Рычаг делает еще один полный оборот, балка останавливается. Острое копьё замирает в сантиметре от моего живота.

– Обратите внимание, над каждым из вас находится копьё. Врать не буду, на самом деле это не настоящее оружие.

Он говорит, что, к его сожалению, настоящие копьё не удалось раздобыть. Говорит, выяснилось, что в наше время это дефицит.

– Но, поверьте, колья довольно острые. – Он смотрит на часы, стрелка которых вот-вот пересечет отмеченную красным зону. – Хотя нет. Это не весомо. Зачем просить верить мне на слово?

Он говорит, что мы уже чуть-чуть попробовали. Вопреки его предостережениям, протестировали копьё, пока дергались с завязанными глазами.

– И скоро вновь убедитесь в их остроте.

Он хихикает, бьет себя ладонью по лицу и говорит, что для победы нам нужно перевесить своего соперника.

– Всего лишь перевесить. Просто-просто. Весомо-весомо.

Он говорит, что это не удастся сделать без победы в задании. Говорит, что накажет за попытки раскачивать чаши.

– Надеюсь, вам пока все понятно.

Р переминается с ноги на ногу. Ждет нашей реакции. Ни я, ни мой собрат по несчастью не шевелимся.

Он вновь проверяет часы.

– Ладно. Считаю вашу халатную безынициативность утвердительным ответом. Дальше... – Он подходит и поворачивает рычаг в обратную сторону. – Будет три раунда. Соответственно три шанса избежать наказания. Всего три простых этапа. И после каждого из них я буду понемногу опускать лезвие и подвешивать утяжелитель победителю.

Цепи звенят, шестеренки потрескивают, балка с копьями движется к потолку. С каждым щелчком острие удаляется от моего живота, и я чувствую облегчение.

– Теперь вам известны правила. Ничего сложного. Честно отвечаешь на вопросы, избегаешь наказания и побеждаешь. – Он показывает заготовленные грузики и снова смотрит на часы – кажется, чего-то ждет. – Весомо?

Как же он меня раздражает. Несмотря на то что все мышцы затекли, только развяжите меня, я сломаю психу челюсть, чтобы он никогда в жизни больше не хихикал и не шепелявил свое «весомо».

– В последнем туре начнется самое интересное...

Он говорит, что считанные миллиметры будут решать, кто умрет, а кто победит. Говорит, что в любой момент чаши правосудия могут склониться в противоположную сторону.

– Весомо?

Р опять хохочет.

Буквально день назад я был уверен, что ненавижу пауков, ненавижу ударяться мизинцем о край тумбочки и свою бывшую. Нет. Хочешь почувствовать настоящую ненависть, граничащую с непреодолимым желанием разорвать объект на крохотные лоскутки? Возьми несколько упаковок липкой ленты и попроси самого мерзкого и неприятного человека на земле привязать тебя этим скотчем к скамейке. Затем попроси отнести скамейку вместе с тобой привязанным в лес, к самому большому муравейнику, который только сможешь найти. Лучше это делать в начале лета, чтобы мошки и комары помогали с твоей миссией. Пусть он разворошит муравейник и оставит тебя лежать. Оставит лежать, но не уходит. Он должен мерзко хихикать и без остановки болтать, нести всякую чушь, пока насекомые распыляют кислоту, атакуют твое

обездвиженное тело, залезают в ноздри, в уши, в глаза и рот. Спустя час или два, когда измученное тело смирится, переборет ярость и попросит пощады, нужно заткнуть рот кляпом и оставить так на несколько дней. А по возвращении, вместо того чтобы отпустить, он должен начать умничать, рассказывать о своих переживаниях и смеяться. Сжимать в кулак почерневшие, потерявшие всякую чувствительность пальцы – вот что значит настоящая ненависть. Вот что значит желание одними зубами разорвать обидчика на части.

Он наклоняется, поднимает металлический стул и с размаху бросает его в ширму. Зеркало разлетается на осколки. Он снова хлещет себя по лицу, повторяет сквозь зубы «весомо, весомо, весомо». Кажется, ему трудно себя контролировать. Он наклоняется, громко сопит, стучит ладонью по стене.

– Итак, – говорит Р сквозь одышку, не справляясь со своим припадком. – Сегодня мы закончим. Отдыхайте, готовьтесь к первому испытанию.

Он глотает таблетку, достает шприц, суетливо набирает в него какой-то препарат и, уставившись на минутную стрелку на стене, делает укол сначала мне, затем моему оппоненту.

– Не дергайтесь. Ничего. Ничего страшного. А этот укол – чтобы вы могли поспать. Нам же не нужны сонные мухи вместо участников? Правда?

Он ставит стул в углу комнаты. Садится на него и пристегивает свою кисть наручниками к батарее. Его лоб покрывается капельками пота, глаза неестественно дергаются. Вращаются в глазницах в разные стороны. Р трясет головой, клацает зубами. Кажется, он сейчас потеряет сознание.

– Приготовьтесь, – шепчет он, проверяет надежность наручников и проглатывает ключ от них.

Я не могу пошевелить ногами. Шея затекла настолько, что мне больно сглатывать. Мне больно дышать. Не чувствую пальцев, не чувствую рук. Ничего, кроме боли, не чувствую.

Вижу сквозь мутнеющую дымку, как психопат, пристегнутый наручниками, бьется в конвульсиях.

Глава 7

Спустя час группа полицейских осматривала место преступления. Желтые оградительные ленты, подсвеченные прожекторами и фонарями, сливались в монотонный узор с черным орнаментом на фоне выкрашенных в желтый пустых стен.

- Не топчитесь! Смотрите, куда наступаете.

Начальник безучастно стоял перед весами, стараясь найти рациональное объяснение происходящему. Как и для чего двое дальнобойщиков забрались в этот подвал? И кому из них взбрело в голову устроить все это? Он не двигался, даже не моргал; изредка покрикивая на подчиненных, собирающих улики, продолжал стоять, поражаясь извращенной фантазии убийцы.

Федор напросился в следственно-оперативную группу, несмотря на то что по графику дежурств это не его дело. Ходил, фотографировал, расспрашивал криминалистов.

- Отрубили? - обратился он к женщине.

Бейджик на груди подсказывал, что перед ним сотрудник по имени Анастасия. Женщина выглядела спокойной, словно не в первый раз находилась на столь кровавом месте преступления.

- Что скажете? Топор или тесак?

- Нет. Скорее, пила.

Федор переборол желание заткнуть нос и подошел ближе.

- Понятно. А отчего они умерли?

Анастасия, не отрываясь от упаковывания найденного обломка ключа, принялась рассказывать несмышленому полицейскому, что случилось с жертвами:

– Этот, очевидно, от проникающего ранения в живот. – Анастасия, не оборачиваясь, указала на острый штырь, спускающийся сверху и проткнувший тело одной из жертв. – Несмотря на многочисленные ранения, думаю, именно этот заостренный фрагмент конструкции нанес жертве травму, несовместимую с жизнью.

– Понятно.

– Повредил легкое, что и послужило причиной остановки дыхания. Это предварительное заключение, более точно скажу после детального обследования.

Федор посмотрел на нанизанного на острие мужчину, висящего под потолком, раскинув руки. На его лице с перекошенным ртом застыло выражение ужаса.

– Угу, а второй?

– Второй, похоже, от кровопотери. – Анастасия убрала пакет с уликой, подошла и указала на потемневший от крови песок под трупом, распластавшимся на полу.

– Понял. А эти штуки?

Федор наклонился и дотронулся до обрезков рельсов, пристегнутых к ногам покойного. Он улыбнулся, чтобы показать, что совершенно спокоен, что его не смущает ни вид крови, ни отпиленные части тел. Улыбнулся, но голова закружилась, и он тут же выпрямился. Быстро вдохнул и медленно выдохнул, стараясь сделать это незаметно.

– Анастасия, – сказал он самым беззаботным тоном, который только мог продемонстрировать. – Скажите, что это за предметы?

– Обрезки рельсов. – Анастасия ухмыльнулась в ответ на бравату молодого коллеги.

– Угу. Рельсы, значит. А...

– Марку стали, модель, где и когда произведены, выясним в ближайшее время. – Она снова ухмыльнулась и протянула Федору коробку с одноразовыми резиновыми перчатками. – Наденьте.

Федор, сляясь скрыть дрожь в пальцах, достал пару, подул в них и просунул кисти.

– Спасибо.

– Фрагменты выглядят довольно старыми, – продолжила рассказ Анастасия. – Кое-где на металле видны следы ржавчины. Возможно, части заброшенных железнодорожных путей. Судя по всему, обрезки использовали, подвешивая их к жертвам в качестве утяжелителей.

Федор отошел к радиоприемнику. Хотел включить, но поймал на себе изумленный взгляд Анастасии и передумал, не стал трогать. Записал в блокноте выставленные на экране частоты и посмотрел на наручники, висевшие на трубе.

– Эм...

– Пустышка, – она опередила его вопрос ответом. – Уже проверили. Ширпотреб. Продаются в любом интернет-магазине.

Федор рассматривал стены, пятна крови, почерневший от копоти потолок. Части тел, растасканные крысами по углам. Поморщился, перебарывая подступающую тошноту.

– Зачем все это?

– Что именно? Шприцы или бутылки с песком?

– Все. Все это.

– Не знаю. – Анастасия развела руками.

- Это не ответ. Непрофессионально. Мне нужны ответы.

- Вы у нас следователь, - съязвила женщина, наблюдая за позеленевшим лицом Федора. - Мое дело собрать и предоставить улики. Делать выводы и находить ответы - это ваша работа. Осторожно!

Она попыталась предупредить Федора, что за спиной у него мангал, но следователь споткнулся и упал на него. Уголь высыпался на песок. Федор грохнулся в сантиметре от изуродованного лица дальнобойщика, встретился взглядом с помутневшими глазами трупа, и его вырвало.

- Господи, понабирают же, - пробормотала женщина, доставая новый пакет для улик.

Федор поднялся и отряхнулся. Кто-то из оперов хохотнул. «Пусть смеются, весельчаки, - подумал он. - Зато после того, как вырвало, мне ощутимо полегчало».

Он вытер рот рукавом и обратился к начальнику:

- В городе завелся психопат.

- Федор, помолчи!

Полковник все еще стоял перед весами и, как замороженный, смотрел на огромные шестеренки. Он сжал губы и наморщил лоб, глядя на разбросанные куски рук и ног. Казалось, его не трогает вид изуродованных тел, - его беспокоил сам факт жуткого происшествия на подконтрольной ему территории.

- Первым делом нужно определить, что их связывает с предыдущими жертвами.

- Помолчи, я сказал! Это уже совсем не шутки.

Федор хотел ответить, что он и не собирался шутить, что он догадывался, что он даже предупреждал.

- Анкетные данные покойников полные?

- Работаем, - ответил один из оперативников.

- Работнички, мать вашу, - пробурчал начальник. - Так, все. Я звоню в Москву.

- Что? Зачем? - возмутился Федор.

Только показалось, что он наконец-то столкнулся с настоящим серьезным делом, как оно ускользает. Он почувствовал, как у него из-под ног выдергивают почву.

- Что-что?

- Не надо. Зачем в Москву?

- Затем! - Полковник крикнул и тут же замолчал. - Пусть работают специалисты, - продолжил он тихим голосом. - Пусть присылают своего эксперта или еще кого-то.

- Но...

- Мне такое тут не надо.

- Но...

- Не нокай мне, конюх. Никаких но! Я звоню. А ты давай иди, разбирайся. Готовь отчеты.

- Послушайте.

- Хватит. Один раз уже тебя послушал. Доверился. И что теперь? Молчи, говорю! Ты уже все сказал, теперь жди. И успокойся. Хотя чего тебе переживать. Это же моя голова полетит.

- Можно? Я хотя бы...

- Не можно! Все, утомил.

- Есть.

- Тянуть некуда. Вот пусть их специалисты приезжают и сами разбираются – ритуальные это убийства или серийные маньяки, мясники или еще какие наркоманы. Пусть расследуют.

- Есть.

- У меня нет подходящих кадров. Ни подходящих, ни каких-либо других. Может, ты сам поедешь осматривать найденных сегодня разлагающихся? Я видел, как тебя стошнило.

Начальник наконец отвернулся от весов, достал телефон и направился к выходу.

Федор пошел следом.

- Не ходи за мной. Предоставим дело опытным людям.

- А нам как? – Федор хотел спросить «а как же я», но скромно перефразировал.

- Как как, задом об косяк!

Начальник остановился на ступеньках, обернулся и навис над Федором, уставившись в глаза подчиненному, который и не думал отводить взгляд.

- Ты не стал проводить расследование. – Он подчеркнул интонацией «ты». – У тебя была возможность. – Он выделил голосом «у тебя». – А мне теперь разгребай.

Федор молча слушал. Ждал, когда полковник выговорится и даст возможность ответить.

- Или хочешь сказать, что это я виноват? А, Федор? – Он не дождался ответа, развернулся и пошел к машине.

- Нет, подождите. Я хочу сказать, что могу...

– Появится информация, любая, любые подробности, сразу ко мне с докладом. А пока все. Свободен... Алло, да. Продикуй мне номер телефона управления Следственного комитета, нужно срочно связаться с Москвой.

Полковник сел в машину, взял ручку, раскрыл записную книжку и развернул на чистой странице.

– Чего ждешь? Свободен, говорю. – Начальник захлопнул дверцу, чтобы отгородиться от назойливого старшего лейтенанта.

– Есть. – Федор достал недокурную сигарету, у которой оставалось меньше половины, и прикурил.

«Голова его полетит. Урод». Федор затянулся и посмотрел на полковника, мило беседующего по телефону. Проверил карманы, достал ключи. «Даже не попытался начать расследование. Глухарь в архив – и умываем ручки... Урод. А теперь из меня крайнего делает».

Он спустился к подвалу, собирался войти внутрь, но передумал и пошел наверх прогуляться, побрякивая связкой ключей. Прогуляться пешком, чтобы подышать свежим воздухом и переварить события последнего часа. Он еще не привык к безразличию своего руководства и к беспроявительной системе расследования: главное – прикрыть свой зад. Он всем сердцем желал проявить себя.

«У меня нет достойных кадров».

Федора задела, обидели уже ставшие привычными слова полковника о беспомощности местных служащих. Он шел, пиная носком ботинка камень, и размышлял об упущенной возможности. Нужно было собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Со своей службой, с начальством и со всеми этими убийствами.

«А теперь пусть ему специалистов выпишут, у него, понимаете ли, нет подходящих кадров... Урод. Самый настоящий. Урод».

Федор посмотрел на небо. Красивое звездное небо, ни облачка. Таких звезд в городе не увидишь. «Хоть в этом можно не сомневаться, – подумал он и затоптал

окурок. – А еще в том, что я изначально был прав – водители стали жертвами серийного маньяка».

Глава 8

– Рами, постарайся разговаривать с ним помягче.

– Ты же знаешь, я сама вежливость.

Никита покачал головой:

– Знаю, потому и предупреждаю. Этот человек... Он, как тут выразиться? Чересчур ранимый.

– Не нуди, разберемся.

Рамуте нажала на звонок, за дверью послышались шаги.

– Если что, его зовут Валентин.

– Угу, Валя, значит.

– Нет, он настаивает на том, чтобы его называли...

Дверь приоткрылась. Сквозь образовавшуюся щель выглянуло заспанное лицо.

– Валентин. Добрый вечер. Меня зовут Никита, а это моя подруга Рамуте. – Он отступил на шаг, чтобы художник смог увидеть девушку. – Не помешаем?

– Кто вы? – Валентин прокашлялся, прочищая горло. – Что надо?

– Я же говорю, эм... вы, наверное, меня не помните. Я Никита. Наша фирма обращалась к вам за помощью. А это Рамуте.

– Какая, на хрен, фирма? Зачем пришли?

– Вы рисовали нам эскиз. Узоры там всякие для оформления, картинки разные. Помните?

– Рисуют дети в садике. Всего доброго.

Художник попытался закрыться от незваных гостей, но Рамуте просунула ногу между дверью и косяком.

– Мы журналисты. Хотим взять у тебя интервью.

– Как? – Валентин остановился. Его передернуло от голоса Рамуте, и он приник ухом к двери.

– Журналисты, говорю. Открывай.

– Да-да. Именно. Мы журналисты, – подхватил Никита. – Как только узнали, что такой талантливый человек, художник, трудится здесь, в нашем городе, сразу поспешили к вам.

– Поспешили, значит? – Валентин хмыкнул. – Уже опоздали. Я вас ждал лет двадцать назад. А теперь слушай и запоминай. Ты сразу иди на хрен, а ты ногу убери, забирай своего дружка и проваливай.

Рамуте отодвинула ногу и посмотрела на Никиту. В ее глазах читалось – «ну же, давай, сделай что-нибудь, иначе это “что-нибудь” сделаю я, и тогда всем будет невесело». Если отступить при каждом препятствии, стоящего материала не получится.

Никита не знал, что придумать. Он развел руками в ответ, наблюдая, как уменьшается проем между дверью и косяком. Рамуте успела скривить самую злую гримасу и приготовилась стучать, когда цепочка слетела и дверь распахнулась. На площадке запахло вином, сигаретами, краской и грязью.

– Заходи.

На пороге стоял седой длинноволосый мужчина в протертом махровом халате. В его усталых глазах еще блестел огонек, но потрепанное опухшее краснощекое лицо говорило о приближающемся отчаянии и непрекращающемся похмелье. Его заношенные тапочки были испачканы каплями краски.

– С какого телеканала?

– А?

– Из газеты, – ответила Рамуте. – Вернее, если быть совсем уж честными, с радио.

Валентин прищурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/barr_aleksandr/simfoniya-kukol

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)